

Предисловие «Полки»

Уникальный для русской литературы своего времени синтез автобиографии, исторической хроники и политической публицистики.

Историческое для Герцена важнее личного, но в итоге у него получается одна из самых откровенных книг XIX века.

Кирилл Зубков

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Согласно формулировке самого Герцена, главная тема его монументального автобиографического произведения — «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Автор «Былого и дум» пытается показать, как индивидуальная жизнь и общественно-политическая история Европы переплетаются, отражаются друг в друге и определяют друг друга. Герцен рассказывает о событиях своей жизни с исключительной, подчас удивляющей даже современного читателя откровенностью — однако ему интересно не просто выразить собственные чувства, но и показать, как важнейшие события, определившие дух эпохи, повлияли на формирование его личности, способность думать и переживать именно так, как он думает и переживает. По этой причине он уделяет не менее пристальное внимание характерам и личностям его знакомых — от управляющего III отделением Леонтия Дубельта до Карла Маркса, от Николая Первого до Петра Чаадаева, от своей жены Натальи до университетских профессоров.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

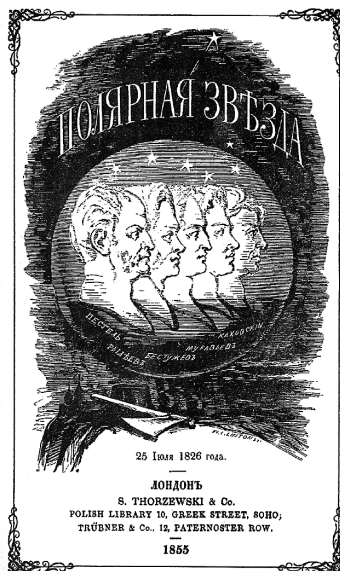
Герцен начал работать над автобиографическими произведениями еще в молодости. Замысел обширного повествования о собственной жизни возник у Герцена после гибели его жены в 1852 году, последние же главы были завершены в 1868-м, незадолго до смерти писателя. Особенно важно, что книга Герцена появилась в эпоху, когда особым вниманием

пользовались именно невымышленные или по крайней мере не вполне вымышленные произведения — «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, «Семейная хроника» Аксакова, ранняя проза Льва Толстого. Следы напряженной, долгой и неравномерной работы над книгой бросаются в глаза при чтении. Герцен так охарактеризовал эту особенность своего произведения: «“Былое и думы” не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений — мне бы не хотелось стереть его».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Повествование постоянно переключается между разными планами, подчиняясь центральной авторской задаче — связать личное и историческое воедино. Яркий пример — финал третьей части книги, где Герцен рассказывает, как узнал о первой беременности жены, — и быстро переходит от описания собственных эмоций к размышлениям о том, как в современной культуре относятся к беременным, а после — к обсуждению общественного положения женщины вообще. Особенно выразительное проявление ужасного отношения к женщине — всеобщее равнодушие к проблемам проституции. Здесь Герцен вновь возвращается к личному опыту: рассказывает, как несколько раз случайно повстречался в Лондоне с «падшей женщиной» и какое сильное впечатление произвела на него ее готовность жертвовать всем ради своего ребенка. После этого он вновь обращается к теме беременности.

Так же меняется и тон рассказчика, постоянно переключающийся между разными регистрами: он обличает, смеется, кается, грустит о прошлом. Однако за всеми этими многообразными темами, интонациями и вопросами постоянно звучит герценовский голос, который ни с чем невозможно спутать. Писатель постоянно призывает читателя как-то отреагировать на свои слова, привлекает внимание неожиданным ходом мысли, парадоксальными ассоциациями и сравнениями. Чтобы выразить сложную смесь эмоций, Герцен часто нарушает сложившиеся нормы литературного языка и пишет нарочито неправильно. Однако напряженную, никогда не задерживающуюся на месте мысль Герцена трудно было бы передать по-другому. Например, вспоминая о неожиданном визите жандарма, Герцен пишет: «Появление полицейского в России равняется черепахе, упавшей на голову...» — математическое словечко «равняться» здесь не очень уместно с точки зрения языковых норм его времени, однако прекрасно передает абсурдность ситуации: если черепаха падает на человека, это можно объяснить только несчастным случаем, однако при появлении российского полицейского такие неприятные «случайности» начинают происходить с железной необходимостью. Вообще язык естественных наук — важный источник стиля Герцена: достаточно вспомнить, что некоторых не особо самостоятельных революционеров он классифицирует как растения, деля на «тайнобрачных» и «явнобрачных»^{*1}.

Первый выпуск альманаха
«Полярная звезда».
Вольная русская типография, 1855 год

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Как и многие произведения той эпохи, например романы Достоевского, книга писалась параллельно публикации: когда первые ее части увидели свет, Герцен еще даже не приступал к последним. При этом некоторые фрагменты, особенно относящиеся к семейной драме Герцена, автор не хотел публиковать при жизни. Отдельные разделы «Былого и дум» печатались в лондонской типографии Герцена, преимущественно в составе альманаха «Полярная звезда». Герцен также предпринимал отдельные издания некоторых частей

^{*1} К явнобрачным относятся цветковые и голосеменные растения, к тайнобрачным — мхи, хвощи и папоротники. Эта классификация была придумана ученым Карлом Линнеем в XVIII веке, в настоящее время она устарела.

своей книги; оставшиеся в рукописи фрагменты наследники писателя печатали после его смерти. Полное издание «Былого и дум» было осуществлено только в 1919–1920 годы, уже в советской России. До сих пор остается серьезной проблемой порядок, в котором должны следовать некоторые главы книги, не опубликованные при жизни писателя: не вполне понятно, как автор планировал их расположить.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

«Былое и думы» — очень необычное произведение, и точно установить источники влияния непросто. Герцен постоянно цитирует Пушкина, Гоголя, Грибоедова — однако в их произведениях он вряд ли мог найти образцы той специфической формы повествования, которую стремился создать в своей книге. До некоторой степени на Герцена могли повлиять произведения Гёте и Гейне. В романах Гёте о Вильгельме Мейстере Герцен мог бы найти образец обширного произведения о постепенном формировании человеческой личности, в гётевской книге «Поэзия и правда» — автобиографическое повествование, где жизнь автора тесно связана с повстречавшимися на его пути личностями и событиями разных эпох и стран. Проза Гейне могла бы пригодиться Герцену как образец свободного переключения между самыми разными эмоциональными и стилистическими регистрами, которые крепко сшиваются в одно целое благодаря единым, хорошо узнаваемым авторским интонациям. Сочетание постоянной иронии и пронзительных исповедальных интонаций в «Былом и думам» — тоже очень «гейневское».

Фердинанд Ягеман. Портрет Иоганна Вольфганга Гёте. 1818 год. Романы Гёте о Вильгельме Мейстере могли стать для Герцена образцом повествования о том, как формируется человеческая личность

Однако ни Гёте, ни Гейне не снимали столь решительно границы между частным и политическим — здесь предшественников Герцена найти трудно.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Когда началась публикация «Былого и дум», Герцен был на пике популярности. Напечатанные его бесцензурной типографией издания знала вся читающая Россия, от Александра II и его министров до оппозиционных, радикально настроенных литераторов, таких как Добролюбов и Чернышевский. Автобиографическое повествование Герцена читалось не просто как исповедь одного, пусть выдающегося, человека — для оппозиционно настроенных жителей России это был

образец современного, европейского способа мыслить и воспринимать собственную личность. Многие идеи Герцена вызывали у русских читателей отторжение: поддержка польского восстания 1863 года оттолкнула «правых», скептическое отношение к радикальной сатире — «левых». Однако «Былое и думы» все равно воспринимались как важное и талантливое свидетельство о нескольких эпохах русской жизни. Отклики на него встречаются в публицистике и прозе Достоевского, Тургенева, Писемского и многих других, менее известных писателей. Подробного ее разбора в критике, конечно, не могло появиться по цензурным причинам.

На Западе «Былое и думы» воспринимались скорее как выражение типично русского взгляда на историю и в то же время как источник исключительно интересных и ценных сведений о России. Отрывки из книги были немедленно переведены на английский, французский и немецкий языки. Интерес вызывали как личность автора, видного деятеля международного социалистического движения, так и экзотическое содержание. В погоне за русской спецификой один из издателей даже сообщил, что Герцен вспоминает о сибирской ссылке. Не ездивший дальше Пензы автор «Былого и дум» протестовал — но критики все равно упрекали его в стремлении похвалить отсутствующим сибирским опытом.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Книга Герцена оказала огромное влияние и на русскую, и на европейские литературы. О Герцене-писателе высоко отзывались такие разные и не склонные к похвалам люди,

как Лев Толстой и Фридрих Ницше. Толстой, например, замечал, что Герцен «не уступит Пушкину», и в 1888 году писал Владимиру Черткову: «Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболезную тому, что его сочинения запрещены: во-первых, это писатель как писатель художественный, если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям, а во-вторых, если бы он вошел в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-х годов, то у нас не было бы революционных нигилистов. <...> Если бы не было запрещения Герцена, не было бы динамита, и убийства, и виселиц, и всех расходов, усилий тайной полиции и всего того ужаса правительства и консерваторов и всего того зла. Очень поучительно читать его теперь».

Немецкий философ писал переводчице «Былого и дум», подруге дочери Герцена Ольги, М. Мейзенбург: «Что вы переводчица мемуаров Герцена, было для меня совершенно ново; я сожалею, что прежде, чем узнал это, не выразил вам свое ощущение ценности этого перевода. Я был изумлен мастерством и силой выражения, и, склонный предполагать у Герцена любой выдающийся талант, я молча решил, что он сам перевел свои мемуары с русского на немецкий. Я обратил внимание моих друзей на это произведение; я по нему научился о множестве отрицательных тенденций думать более сочувственно, чем был способен до этого; и собственно отрицательными я не должен бы их называть. Ибо такая благородно-пламенная и стойкая душа не могла бы жить только отрицанием и ненавистью».

Автобиографические приемы, введенные в русскую литературу Герценом, не раз воспроизводились даже в воспоминаниях

авторов, идейно очень далеких от создателя «Былого и дум», таких, например, как поэт, критик и один из создателей почвенничества Аполлон Григорьев. Во многом Герцен создал язык, с помощью которого русские революционеры и оппозиционеры осмыслили и свой жизненный опыт, и историческое прошлое. Например, знаменитые, много раз цитировавшиеся и пародированные слова Ленина о том, что «декабристы разбудили Герцена», на самом деле восходят к словам самого Герцена: «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души». Уже в XX веке влияние Герцена заметно в прозе Лидии Гинзбург — одновременно замечательной исследовательницы герценовской прозы и писательницы, отразившей опыт блокады Ленинграда. Во многом близок к «Былому и думам» и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, где лагерные впечатления автора и история страны так же неразделимы, как и в прозе Герцена.

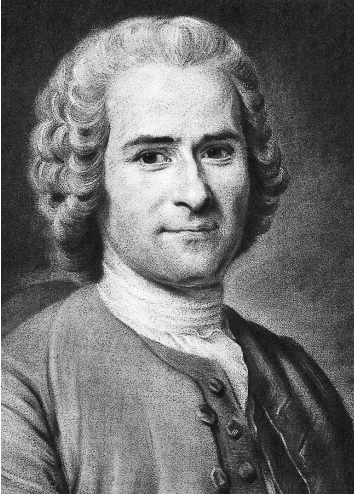
В то же время известность Герцена со временем уменьшается. Несмотря на официальное признание писателя в советские годы, серьезные исследования его творчества властями не поощрялись: социалистические взгляды создателя «Былого и дум» были очень далеки, например, от марксизма, хотя Герцен знал Маркса и внимательно читал его произведения. Возможно, именно поэтому Герцен редко входил в школьную программу. Свою роль сыграл и объем его самой известной книги: «Былое и думы», если читать их со всеми приложениями, не уступят по длине «Войне и миру». Интересно, что на Западе Герцен продолжает восприниматься как один из наиболее значительных деятелей русской и европейской культуры

своего времени и вызывает живой интерес до сих пор: например, на материале «Былого и дум» в первую очередь основана драматическая трилогия Тома Стоппарда «Берег утопии», где Герцен — главный герой.

В КАКОМ ЖАНРЕ НАПИСАНА КНИГА?

Сам Герцен определял «Былое и думы» как исповедь. Действительно, в центре книги находится личность ее автора. Хотя Герцен часто говорит о людях и событиях, с которыми связан лишь поверхностно, они обычно оказываются необходимы для понимания его жизни. В русской литературе до «Былого и дум» трудно найти сопоставимые произведения, ориентированные на исповедальный жанр, — можно вспомнить разве что «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, которые Герцен по идеологическим причинам вряд ли мог всерьез учитывать. В то же время для современников Герцена жанр этот был важен — огромную роль исповедь играет, например, в творчестве Льва Толстого. Но если Толстого больше интересовали универсальные законы человеческой психологии, то Герцен понимает исповедь неожиданным образом — он принципиально отказывается писать о тех чувствах и мыслях, которые сложно выразить: «Дополните сами, чего недостает, догадайтесь сердцем — а я буду говорить о наружной стороне, об обстановке, редко, редко касаясь намеком или словом заповедных тайн своих».

Наиболее известная исповедь в европейской литературе написана Жан-Жаком Руссо. Толстой, очень высоко ценивший Руссо, во многом следовал его образцу;

Морис Кантен де Латур. Портрет Жан-Жака Руссо. 1753 год. «Исповедь»

Руссо — одна из самых известных автобиографий в европейской литературе, но Герцен в своем повествовании отходит от руссоистской традиции

Герцен же с руссоистской традицией решительно порвал. Достаточно вспомнить знаменитое начало «Исповеди» Руссо: «Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они». Ценность собственной личности для Руссо — в ее уникальности. Напротив, в предисловии к английскому изданию фрагментов своей книги Герцен писал:

Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила. Мы любим проникать во внутренний мир другого человека, нам нравится коснуться самой чувствительной струны

в чужом сердце и наблюдать его тайные содрогания, мы стремимся познать его сокровенные тайны, чтобы сравнивать, подтверждать, находить оправдание, утешение, доказательство сходства.

Мемуары, конечно, могут быть скучными, и жизнь, в них рассказанная, бедной и незначительной. Тогда не читайте их — и это будет самым страшным приговором для книги. И в данном случае не может существовать никакого специального руководства для писания мемуаров. Мемуары Бенвенуто Челлини интересны не потому, что он был великим художником, а потому, что он затрагивает в них в высшей степени интересные вопросы.

Как и Руссо, автор «Былого и дум» был уверен, что каждый человек имеет право на исповедь — но не в силу собственной уникальности, а как раз в силу общности исторического опыта разных людей. Именно поэтому Герцен уделяет очень мало места чувствам и переживаниям: они интересуют его постольку, поскольку в них отразились исторические закономерности, которые писатель стремится отыскать в собственной личности.

ЧТО ЗАСТАВИЛО ГЕРЦЕНА НАПИСАТЬ ТАКУЮ СТРАННУЮ ИСПОВЕДЬ?

Работа над «Былым и думами» началась вскоре после смерти жены Герцена Натальи Александровны. В течение нескольких лет перед этим тянулась долгая и болезненная любовная связь ее с немецким поэтом-революционером Георгом Гервегом.

Герцены поддерживали эмансипацию женщин, которая в их время, с легкой руки популярнейшей французской писательницы Жорж Санд (Авроры Дюдеван), ассоциировалась в первую очередь со свободой выбирать спутника жизни и правом изменять свое решение (этим правом наделена, например, Вера Павловна из «Что делать?» Чернышевского). Однако Герцен все же был уверен, что Гервег не имеет никакого права на любовь его жены, а отношения их строятся на обмане (пусть не вполне сознательном) со стороны немецкого поэта:

Его письма 1850 и первые разговоры в Ницце служат страшным обличительным документом... чего? Обмана, коварства, лжи? Нет; да это было бы и не ново, — а той слабодушной двойственности, в которой я много раз обвинял западного человека. Перебирая часто все подробности печальной драмы нашей, я всегда останавливался с изумлением, как этот человек ни разу, ни одним словом, *ни одним* прямым движением души не обличил себя. Каким образом, чувствуя невозможность быть со мною откровенным, он старался дальше и дальше входить в близость со мной, касался в разговоре тех заповедных сторон души, которых без святотатства касается только полная и взаимная откровенность?

Некоторое время Герцены и Гервег с женой пытались жить совместно, однако этот опыт закончился скандальным разрывом. Остается неизвестным, кто же был настоящим отцом Ольги Герцен, дочери Натальи Александровны (Ольга скончалась в 1953 году в возрасте 103 лет — удивительная и интересная судьба). Семейное

дело Герценов стало вопросом новой морали, имевшим общественное значение, и широко обсуждалось в кругах европейских радикалов. В результате жена Герцена осталась с ним, однако для всех участников эта семейная драма стала тяжелейшим переживанием. Вскоре после этого, в 1851 году, сын и мать Александра Ивановича погибли в кораблекрушении. В главе «*Oceano Nox*» («Ночь на океане»; название взято из цитируемого в главе стихотворения Виктора Гюго) Герцен подробно описывает момент, когда до него дошла весть об этой беде; на страницах «Былого и дум» она много раз предвосхищается в отступлениях; по всей эпопее проходят постоянные упоминания моря как чего-то непостижимого и опасного. После этого Наталья Александровна тяжело заболела и умерла в преждевременных родах; ребенок также не выжил.

Все эти события потрясли Герцена. Жена была не только спутницей жизни, с которой он прошел вторую ссылку и эмигрантские годы, — она была еще и единомышленницей (по крайней мере так казалось самому Герцену), одним из немногих людей, которым Герцен доверял абсолютно. С ее потерей в жизни Герцена начался серьезнейший кризис. Собственная биография требовала переосмысления: Герцену отчаянно нужно было найти в прошлом новый источник сил для будущей жизни. Об эпохе общественных и личных потрясений он пишет:

Теперь я уже и не жду ничего, ничто после виденного и испытанного мною не удивит меня особенно и не обрадует глубоко: удивление и радость обузданы воспоминаниями былого, страхом

будущего. Почти все стало мне безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себе конец придет так же случайно и бессмысленно, как начало.

А ведь я нашел все, чего искал, даже признание со стороны старого, себядовольного мира — да рядом с этим утрату всех верований, всех благ, предательство, коварные удары из-за угла и вообще такое нравственное растление, о котором вы не имеете и понятия.

Трудно, очень трудно мне начать эту часть рассказа; отступая от нее, я написал три предшествующие части, но, наконец, мы с нею лицом к лицу. В сторону слабость: кто мог пережить, тот должен иметь силу помнить.

С такой отчасти терапевтической целью и писались «Былое и думы», которые должны были как бы пересоздать личность автора, определив ее не через частные переживания, а через общественно-исторические тенденции. Радикально переосмысляя собственную жизнь, Герцен создал модель биографического повествования, по которой могли осмыслять собственную жизнь многие русские литераторы и революционеры (и не только они). Сама история, казалось, создает человека, который должен стать решительным противником отжившего прошлого.

ЧТО ДУМАЛ ГЕРЦЕН ОБ ЭМАНСИПАЦИИ?

Для Герцена свобода женщины — очевидная необходимость. Именно внутренняя свобода — главная причина, по которой он

восхищается своей женой. В то же время пути к внешней свободе женщин Герцен, по собственному признанию, не знает. Традиционная семья, с его точки зрения, в ближайшее время вряд ли может быть отменена, а при ее наличии даже самые радикальные реформы не способны кардинально изменить положение женщины. Вообще гендерные проблемы показаны в книге как едва ли разрешимые: почти невозможно одновременно сохранить уважение к человеку, его интеллектуальной и нравственной самостоятельности, и тесную связь с этим человеком. Даже любовь кажется Герцену очень сомнительным чувством:

Я отрицаю то царственное место, которое дают любви в жизни, я отрицаю ее самодержавную власть и протестую против слабодушного оправдания увлечением.

Карл Рейхель.
Портрет Натальи Герцен. 1842 год

Неужели мы освободились от всего на свете: от Бога и дьявола, от римского и уголовного права — и провозгласили разум единственным путеводителем и регулятором для того, чтоб скромно, как Геркулес, лечь у ног Омфалы или уснуть на коленях Далилы? Неужели женщина искала своего освобождения от ига семьи, вечной опеки, тиранства мужа, отца, брата, искала своих прав на самобытный труд, на науку и гражданское значение для того, чтоб снова начать всю жизнь ворковать, как горлица, и изнывать от десятилетия Леон-Леони вместо одного?

Да, женщину в этом вопросе мне всего больше жаль: ее безвозвратное точит и губит всепожирающий Молох любви. Она больше верует в него, больше страдает. Она больше сосредоточена на одном половом отношении, больше *загнана в любовь*... Она больше сведена с ума и меньше нас доведена до него. Мне ее жаль.

Жалость, о которой пишет Герцен, тесно связана с глубоким чувством вины перед своей женой, рассказ о смерти которой завершается отчаянными словами: «Бедная страдалица — и сколько я сам, беспредельно любя ее, участвовал в ее убийстве!»

ПРАВДА ЛИ ТО, О ЧЕМ ПИШЕТ ГЕРЦЕН?

«Былое и думы» обычно производят впечатление абсолютной искренности и правдивости. Герцен не утаивает от читателя даже эпизодов, в которых сам он играет сомнительную роль, — например, пишет о своей любовной связи со служанкой, где

«с ее стороны вряд было ли и увлеченье». Книга Герцена должна читаться как невымышленное повествование — в ней, говоря словами Лидии Гинзбург, господствует «установка на достоверность». Однако Герцен, конечно, далек от летописного воспроизведения фактов. Показательный пример: приложениями к отдельным частям книги он публикует выдержки из писем и дневников своей покойной жены и ее знакомых — казалось бы, вот абсолютно достоверный источник! — однако далеко не всегда он публикует их точно. Часто Герцен слегка подправляет тексты, чтобы они лучше соответствовали его собственным идеям и воспоминаниям. Некоторые эпизоды из собственной биографии Герцен опускает. Например, в «Былом и думах» лишь немного говорится о европейских революциях 1848 года — предполагается, что достаточно обратиться к другой книге Герцена, «Письмам из Италии и Франции». Читатель обязан верить Герцену, однако в первую очередь не как беспристрастному летописцу, а как живому свидетелю, излагающему свою далеко не беспристрастную точку зрения.

КАК ОТНОСИТСЯ АВТОР К СВОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ?

Герцен стремится создать у читателя ощущение, будто он давний и близкий знакомый автора. Он постоянно шутит, рассказывает анекдоты, приводит комичные случаи, которые, с одной стороны, могут послужить запоминающимися примерами общих исторических тенденций, а с другой — показывают героев книги как старых приятелей и автора, и читателя. Например, в конце

четвертой части «Былого и дум» излагается эпизод с женитьбой Василия Боткина: желая обвенчаться тайком от строгого отца, Боткин попросил о помощи Герцена, который предложил заключить брак у священника-пьяницы в собственной деревне. После завершения обряда молодые должны были направиться домой к Герцену. Когда сильно опоздавший экипаж наконец подъехал, случилось неожиданное: «Я подошел дать руку Арманс, она вдруг меня схватила за руку, да с такой силой, что я чуть не вскрикнул... и потом разом бросилась мне на шею, с хохотом повторяя: “Monsieur Herstin”... Это был не кто иной, как Виссарион Григорьевич Белинский». Подчас герценовские анекдоты обретают характер шаржей — эпизодом из кинокомедии выглядит рассказ про то, как тот же Белинский пролил вино на белые брюки Жуковского:

Раз в субботу, накануне Нового года, хозяин вздумал варить жженку en petit comité [В небольшом кругу], когда главные гости разъехались. Белинский непременно бы ушел, но баррикада мебели мешала ему, он как-то забился в угол, и перед ним поставили небольшой столик с вином и стаканами. Жуковский, в белых форменных штанах с золотым «позументом», сел наискось против него. Долго терпел Белинский, но, не видя улучшения своей судьбы, он стал несколько подвигать стол; стол сначала уступал, потом покачнулся и грохнул наземь, бутылка бордо пресерьезно начала поливать Жуковского. Он вскочил, красное вино струилось по его панталонам; сделался гвалт, слуга бросился с салфеткой домарать вином остальные части панталон, другой подбирал

разбитые рюмки... во время этой суматохи Белинский исчез и, близкий к кончине, пешком прибежал домой.

К моменту публикации четвертой части «Былого и дум» давно скончавшийся Белинский в глазах большинства русских читателей был значительной и очень авторитетной фигурой, и знакомство с ним с «частной стороны» как бы вводит читателя в интимный круг, где Белинский — свой, близкий и знакомый человек.

КАК ПОКАЗАНА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В КНИГЕ ГЕРЦЕНА?

Создатель «Былого и дум» очень скептически относится к «официозным» историческим повествованиям и неоднократно насмехается над сложившимися в них штампами, показывая их абсурдность с помощью снижения. Например, устоявшуюся в хвалебных текстах характеристику Николая I как человека с твердой волей и непреклонным характером он выворачивает наизнанку: «Я часто замечал эту непоколебимую твердость характера у почтовых экспедиторов, у продавцов театральных мест, билетов на железной дороге, у людей, которых беспрестанно тормозят и которым ежеминутно мешают; они умеют не видеть человека, глядя на него, и не слушать его, стоя возле. А этот самодержавный экспедитор с чего выучился не смотреть, и какая необходимость не опоздать минутой на развод?» Император оказывается похож не на античного героя, а на кассира — тем самым самодержавная власть перестает казаться исключительной и начинает

восприниматься как нечто повседневное, совершенно лишенное ореола возвышенности. В отличие от ярких друзей Герцена, такая власть не может предложить ничего интересного и нового, если не считать новым совершенную неприменимость большинства ее распоряжений.

Петр III уничтожил застенки и тайную канцелярию.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александр I еще раз ее уничтожил.

Ответы, сделанные «под страхом», не считаются по закону. Чиновник, пытающий подсудимого, подвергается сам суду и строгому наказанию.

И во всей России — от Берингова пролива до Таурогена — людей пытаются... Начальство знает все это, губернаторы прикрывают, правительствующий сенат мирволит, министры молчат; государь и синод, помещики и квартальные — все согласны с Селифаном, что «отчего же мужика и не посечь, мужика иногда надобно посечь!».

НАСКОЛЬКО ОДНОЗНАЧЕН ГЕРЦЕН В СВОИХ ОЦЕНКАХ?

Кажется, картина вырисовывается простая: Герцен, его друзья и соратники по борьбе с российской и европейской политической властью — это хорошо, а сама власть — это плохо. На самом же деле все совсем не так. Между абсолютными полюсами, такими как Белинский и Николай Первый, существует огромное большинство действующих лиц «Былого и дум». Таков, например, Николай Кетчер — близкий друг Герцена, ставший его решительным

политическим противником. Герцен показывает, что будущее Кетчера было во многом predetermined еще в то время, когда они были друзьями, и связано с теми условиями, в которых Кетчер воспитывался. В то же время Герцен не признает полного детерминизма: и сам Кетчер, и его друзья (включая автора «Былого и дум») совершили несколько роковых ошибок, которые привели к разрыву и принципиальному конфликту. Знаменитый французский социалист Прудон описывается с нескрываемым восторгом — однако тут же выясняется, что и он не был способен, например, выработать разумное отношение к женщине. Оказывается, что личность каждого человека определяется не одним, а множеством самых разных факторов: воспитанием, окружением, собственными решениями, давлением извне — и проч., и проч. Именно поэтому героев «Былого и дум», за редкими исключениями, нельзя свести к общественным типам: даже выросшие и сформировавшиеся в почти одинаковых условиях люди могут быть совсем не похожи друг на друга просто в силу того, что невозможно учесть все факторы, повлиявшие на их формирование. Герцен, например, прямо отказывается дать исчерпывающую классификацию отечественных «чудаков» — никакой систематизации они не поддаются.

ОТНОСЯТСЯ ЛИ ВЫСКАЗЫВАЕМЫЕ ГЕРЦЕНОМ ПРИНЦИПЫ К НЕМУ САМОМУ?

В целом — несомненно. Герцен, незаконнорожденный сын богатого барина, прямо пишет о своем аристократическом

воспитании — а в аристократии он, как типичный социалист-революционер, видит враждебную силу. Однако не все так просто: даже в «барском» воспитании, по Герцену, есть свои достоинства. Уже в конце XX века Юрий Лотман, опираясь на соображения Пушкина, будет писать о чувстве нравственной независимости от властей, которое воспитывалось дворянским обществом. Книга Герцена дает понять, как складывался этот дух независимости. Для Герцена, особенно молодого, большинство его оппонентов — люди не только безнравственные, но и безвкусные, невоспитанные, не умеющие достойно держать себя, а потому целиком зависимые от государства. Внешнее достоинство, по Герцену, тесно связано с достоинством внутренним.

Вот один пример невоспитанности. Пока главный герой книги сидит под арестом и ждет результатов следствия, его друг, подкупив сторожа, передает ему бутылку отличного вина.

Надобно быть в тюрьме, чтоб знать, сколько ребячества остается в человеке и как могут тешить мелочи от бутылки вина до шалости над сторожем.

Рябенький квартальный отыскал мою бутылку и, обращая ко мне, просил позволения немного выпить. Досадно мне было; однако я сказал, что очень рад. Рюмки у меня не было. Изверг этот взял стакан, налил его до невозможной полноты и вылил его себе внутрь, не переводя дыхания; этот образ вливания спиртов и вин только существует у русских и у поляков; я во всей Европе не видал людей, которые бы пили *залом* стакан или умели *хватить* рюмку. Чтоб потерю этого стакана сделать еще

чувствительнее, рябенький квартальный, обтирая синим табачным платком губы, благодарил меня, приговаривая: «Мадера хоть куда». Я с ненавистью посмотрел на него и злобно радовался, что люди не привили квартальному коровьей оспы, а природа не обошла его человеческой.

Этот знаток вин привез меня в обер-полицмейстерский дом на Тверском бульваре...

Столкновение Герцена со «знатоком вин» очень показательно. Именно аристократическое пренебрежение к не умеющему уважать себя человеку позволяет выдержать неприятные и унижительные ситуации, возникающие в ссылке, и сохранить себя. Неспособность уважать себя — вообще одно из наиболее заметных качеств антагонистов «Былого и дум». Например, некий исправник останавливает ссылного Герцена, которого он при этом немножко побаивается, не уверенный, насколько ценит Герцена новый губернатор. Уверенное поведение Герцена дает исправнику понять, что перед ним — человек, наделенный большой властью. Следует, вероятно, один из самых сильных эпизодов в книге:

Я остановил его рукою и спросил очень серьезно:

— Как вы могли велеть, чтоб мне не давали лошадей? Что это за вздор — на большой дороге останавливать проезжих?

— Да я пошутил, помилуйте — как вам не стыдно сердиться! Лошадей, вели лошадей, что ты тут стоишь, разбойник? — закричал он рассыльному. — Сделайте одолжение, выкушайте чашку чаю с ромом.

— Покорно благодарю.
— Да нет ли у нас шампанского?.. —
Он бросился к бутылкам — все были пусты.
— Что вы тут делаете?
— Следствие-с — вот молодчик-то топором убил отца и сестру родную из-за ссоры да по ревности.
— Так это вы вместе и пируете?

Исправник замялся. Я взглянул на черемиса, он был лет двадцати, ничего свирепого не было в его лице, совершенно восточном, с узенькими, сверкающими глазами, с черными волосами.

Все это вместе так было гадко, что я вышел опять на двор. Исправник выбежал вслед за мной, он держал в одной руке рюмку, в другой бутылку рома и приставал ко мне, чтоб я выпил.

Чтоб отвязаться от него, я выпил. Он схватил меня за руку и сказал:

— Виноват, ну виноват, что делать! Но я надеюсь, вы не скажете об этом его превосходительству, не погубите благородного человека.

При этом исправник *схватил мою руку и поцеловал ее*, повторяя десять раз:

— Ей-богу, не погубите благородного человека.

КАК ГЕРЦЕН ПОНИМАЕТ СМЫСЛ ИСТОРИИ?

Герцен признавался в том, что на него сильно повлияли идеи Гегеля, которые он

в «Былом и думах» определил как «алгебру революции». Как известно, сам Гегель сделал из своей философии отнюдь не революционные в политическом отношении выводы. Герцен, однако, был уверен в политическом потенциале диалектики*¹, из которой он делал выводы о способности человека повлиять на ход исторических событий.

Исторический процесс Герцен воспринимал как диалектику свободы и необходимости. С одной стороны, как убежденный материалист он отрицал существование души и свободы воли, которые бы не зависели от внешних обстоятельств. С другой стороны, он видел, что сами эти обстоятельства внутренне неоднородны, а когда на человека действуют противоположные друг другу факторы, перед ним открывается возможность хотя бы относительно свободного выбора. Другая важная для Герцена идея состоит в том, что человеческую индивидуальность нельзя противопоставлять некоей монолитной «среде»: на человека действуют не какие-то безличные «объективные законы», а поступки других людей, совершенно конкретных. Разделение «объективного» и «субъективного» для автора «Былого и дум» было проявлением ненавистного ему «дуализма», наподобие противопоставления духа и плоти, которое Герцен не принимал еще с 1840-х годов. Высшей ценностью в истории для писателя оставалось появление самостоятельной, ни от чего не зависящей личности.

*¹ Научно-философский метод познания, в основу которого положен принцип взаимодействия и борьбы противоположных начал. Противоречия с точки зрения диалектики составляют основу развития мира.

КАК ПОВЛИЯЛА КНИГА ГЕРЦЕНА НА ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ?

Вообще количество идей Герцена, которые постепенно перешли в разряд общих мест, трудно измерить. Можно сказать, что большинство современных интерпретаций истории русского общества 1830–40-х годов восходит именно к «Былому и думам», а также к книге «О развитии революционных идей в России» (она, впрочем, скорее была ориентирована на западного читателя и знакомила его с историей русской литературы и общественной мысли). Простой пример — история русского восприятия того же Гегеля. В четвертой части своей книги Герцен разбирает восприятие знаменитой формулы «Все действительное разумно» — и показывает, что, вопреки Белинскому, она означает не обязательную разумность всего сущего, а, напротив, нереальность всего неразумного. Герцен демонстрирует несостоятельность политических выводов, сделанных Белинским из философии Гегеля, — якобы любая политическая власть полностью оправдана непреложными законами разума. При этом он проводит эффектную параллель с библейским изречением: «Всякая власть от Бога» — и замечает, что эту фразу можно понимать совершенно по-разному: и как утверждение божественной природы любой власти, и как отрицание любой власти, которая не способна обосновать свою божественную природу. Очень схожим образом будет разбирать логику Белинского, например, Николай Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма». Мысли и слова Герцена сейчас редко воспринимаются как принадлежащие ему — но дело

не в их банальности, а в их необыкновенной убедительности, которая не в последнюю очередь происходит из личной позиции Герцена. История русского общества в трактовке автора «Былого и дум» — это драматичная, полная событиями жизнь ярких и необычных людей, в существование которых очень хочется поверить.

ЧТО ДУМАЛ ГЕРЦЕН ОБ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ?

История Европы, особенно революционного движения, постоянно увлекала Герцена. Имена деятелей Великой французской революции, названия различных политических движений входят в его язык наравне с отсылками к Библии или античной мифологии. Он то и дело пользуется ими для сопоставлений и объяснения происходящих событий, причем далеко не только собственно политических. В то же время автор «Былого и дум» довольно скептически относился к современной ему Западной Европе: в ней он видел засилье «мещанства», губительного для человеческой свободы (стоит учесть, что Герцен своими глазами наблюдал французскую революцию 1848 года и мог многое узнать о жестокости «лавочников»). Это нивелирование личности, по Герцену, глубоко укоренилось в европейских политических и общественных системах, особенно во французской:

Французы заготавливаются тысячами по одному шаблону. Теперешнее правительство не создало, но только поняло тайну прекращения личностей — оно,

совершенно во французском духе, устроило общественное воспитание, т. е. воспитание вообще, потому что домашнего воспитания во Франции нет. Во всех городах империи преподают в тот же день и в тот же час, по тем же книгам — одно и то же. На всех экзаменах задаются одни и те же вопросы, одни и те же

примеры; учителя, отклоняющиеся от текста или меняющие программу, немедленно исключаются. Эта бездушная стертость воспитания только привела в обязательную, наследственную форму то, что прежде бродило в умах. Это формально демократический уровень, приложенный к умственному развитию.

Былое и думы

Части 1–5

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru